

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела русского фольклора, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

Рец. на кн.: Лойтер С. М. Детский поэтический фольклор Карелии: Исследование и тексты / Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 2013. – 439 с.

В 1974 году в коротенькой в несколько строк заметке «Экспедиции Карельского пединститута в 1971–1972 годах», опубликованной в 14-м томе «Русского фольклора» (издание Института русской литературы (Пушкинский Дом)), перечисляя записанные студентами фольклорные жанры (21 сказка, 37 свадебных песен, 525 частушек, 100 лирических протяжных песен и пр.), С. М. Лойтер называет также «6 произведений детского фольклора». С того времени прошло много лет. Были другие экспедиции, исследования, посвященные детскому фольклору, публикации текстов детской народной поэзии. Многие из изданий С. М. Лойтер по праву могут называться открытиями, и практически во всех своих крупных работах фольклорист совмещает исследование с публикацией записанных ею и ее студентами текстов.

В настоящее время С. М. Лойтер – ведущий фольклорист в области детской народной поэзии. Новая книга старейшины петрозаводской фольклористики – «Детский поэтический фольклор Карелии» – имеет подзаголовок «Исследование и тексты». Читатель здесь найдет большую вступительную статью «Детский фольклор как специфическая область традиционной народной культуры. Собирание и изучение детского фольклора в Карелии» (С. 8–33), а также две вводные статьи к разделам «Поэзия пестования» и «Игровой и потешный фольклор»: «Жанровый состав поэзии пестования Карелии» (С. 34–47) и «Жанровый состав игрового фольклора Карелии» (С. 164–180). Далее следует большой корпус текстов (С. 48–163 и 181–374). В научном аппарате рецензируемого издания имеется Список сокращений, Примечания, в которых содержатся «паспортные данные» текстов, Алфавитный указатель мест записи (по районам) и Словарь диалектных и устаревших слов. Отсутствует, к сожалению, традиционный для фольклористических сборников указатель собирателей.

Названные статьи С. М. Лойтер являются путеводной нитью, которая помогает читателю погрузиться в непростую проблематику детского фольклора. Обращает на себя внимание принципиально важное для автора положение о том, что «весь детский фольклор – игровой по преимуществу» (С. 13). Игра как универсальная

культурно-историческая категория пронизывает все стороны жизни ребенка.

Чрезвычайно интересным представляется фрагмент вступительной статьи, посвященный истории изучения детского фольклора в Карелии. Под пером С. М. Лойтер вырастают портреты местных краеведов, внесших большой вклад в собирание детской народной поэзии в бывшей Олонецкой губернии, – учитель олонецкой гимназии К. М. Петров (1836–1898), заонежская учительница Е. В. Ржановская (1888–1975), крестьянин-помор И. М. Дуров (1894–1938).

Фольклорные тексты в рецензируемой книге представлены в двух больших разделах: I. Поэзия пестования (с подразделами: Колыбельные песни; Пестушки; Потешки; Прибаутки и песенки; Докучные сказки), II. Игровой и потешный фольклор (с подразделами: Заклички; Приговорки; Дразнилки; Считалки; Небылицы, перевертыши; Детская сказка; Скороговорки; Игры; Страшные истории). Как любая классификация в области народной поэзии, эта классификация, вероятно, может вызывать возражения и замечания. Мы, например, выделили бы в отдельный подраздел так называемые поддевки (№ 718–739), которые составитель включил в подраздел дразнилок. Игровой момент, столь важный в детском фольклоре с точки зрения С. М. Лойтер, здесь явно на порядок выше, чем в собственно дразнилках. Сама исследовательница в статье «Жанровый состав игрового фольклора Карелии», предшествующей разделу «Игровой и потешный фольклор», кстати, точно определила специфику жанра поддевок: «Поддевки – забавы детей в форме искусственных диалогов (как правило, кратких), непременно построенных таким образом, чтобы второй, вовлеченный в него, оказался пойманым на слове» (С. 166) (см., например: – *Скажи: дай. – Дай. – А ты полай*).

У кого-то из исследователей может вызвать возражение жанровый термин «страшные истории» (№ 1347–1371). Предпочтительнее, как нам кажется, уже устоявшийся с конца 1960-х годов термин «страшилки» (рассказы о черной руке и пр.).

Можно поставить под сомнение и помещение отдельных текстов в тот или иной подраздел. Так, вряд ли текст № 500 (*Ух-ты, ах-ты / Все мы космонавты*) стоит квалифицировать как при-

говорку. Явно по недосмотру разные варианты заклинательного текста, обращенного к мышке по поводу выпавшего молочного зуба, попали в различные подразделы: закличек (№ 471 – *Мышка, мышка! / На тебе зуб липяной. / Дай мне грёбяной*) и приговорок (№ 478 – *Мышка-мышка, / На тебе зуб мясной, / А мне дай костяной*; ср. № 480). Однако сразу скажем, что своих решений – к какой жанровой группе отнести текст о космонавте и считать ли тексты о мышке закличкой или приговоркой – у нас нет. Проблема классификации, повторим еще раз, – это еще не решенная (а может быть, и не решаемая) проблема отечественной фольклористики, тем более в сфере детского фольклора. Спорные вопросы еще долго останутся спорными вопросами.

Однако значение рецензируемой книги в другом. Здесь представлен великолепный корпус (1371 номер) текстов разных жанров детского фольклора, корпус, за которым стоит огромная работа С. М. Лойтер – не только составителя книги, но и собирателя и организатора собирательской работы. С 1971 года задачи полевых фольклорных экспедиций и практик Карельского государственного педагогического института / университета / академии определялись именно автором «Детского поэтического фольклора Карелии». В Карельском научном центре РАН находятся 19 коллекций народной поэзии (включая детский фольклор), собранных самой С. М. Лойтер и ее студентами. Составитель опирается также на другие материалы, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ (Е. В. Ржановской и И. М. Дурова). Она выявила множество текстов детского фольклора в публикациях – прежде всего в «Олонецких губернских ведомостях» (К. М. Петров, Г. И. Куликовский, П. И. Певин).

По долгу рецензента и въедливого библиографа сделаю небольшое замечание. Публикуя тексты детского фольклора из «Олонецких губернских ведомостей» (№ 831, 912, 932, 1031, 1032, 1057 и др.), составитель в Примечаниях дает очень глухое библиографическое описание источника – ОГВ с указанием года и номера газеты. Автор и название статьи, к сожалению, отсутствуют, в то время как № 831 – считалка *Пери-мери по заморью летели, / За морем церковь, / В церкви Никола, Дарья Быкова, / Кум да кума, / Пуговка-луковка вон пошла, / Чтобы дале отошла* – записан П. И. Певиным и взят из его большого «Очерка Горского прихода, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии», печатавшегося на протяжении июня – августа 1894 года в ОГВ. Здесь дано географическое и историческое описание местности, небольшой словарь диалектных слов, а также описаны некоторые фрагменты фольклорной культуры (суеверия, родильные обряды, беседы и песни, звучавшие на них, свадьбы и пр.). В одном из номеров (9 июля, № 51. С. 7–9) приведены детские игры.

Отсюда же взяты считалки «Шла кукушка мимо сести» (№ 932), «Заяц белый, куда бегал?» (№ 1032), «Кашку с имбирем варил дядя Симеон» (№ 1057).

Сфера детского фольклора, как она представлена в рецензируемой книге, убедительно свидетельствует, что здесь действуют те же закономерности, что и во взрослой народной поэзии. Фольклористика, как известно, наука, прочно связанная с проблемами региональных особенностей устной культуры этноса. Книга С. М. Лойтер отражает детский репертуар одного региона – Карелии. При всех тенденциях к универсальной глобальности, которой характеризуется культура XX века (и русский детский фольклорный репертуар в том числе), детский фольклор Карелии сохраняет региональную составляющую, на что обращает внимание составитель во вступительной статье (мотивы рыбной ловли в потешках и колыбельных песнях – С. 32). Только в Поморье, где большую роль играют рыбные промыслы трески и палтуса, могла, например, родиться колыбельная песня с такими словами: *Бай-бай, бай-бай, / Куюбачку подай. / Не хочу трески, / Да хочу палтуски* (№ 131, записано в 1972 году в с. Колежме Беломорского района).

Жанры детского фольклора в определенной своей части являются великолепным материалом для понимания проблемы функционирования народной поэзии и, самое главное, – проблемы смены функций. В вводной статье к разделу «Игровой и потешный фольклор» С. М. Лойтер показывает, как магическая функция, главная в существовавшем когда-то ритуале, перерождается в игровую в детских закличках: «Ритуал выродился, разрушился миф, однако то, что из него выделилось, осталось и зажило самостоятельной жизнью <...> Ребенок обращается к дождю как к живому существу, однако магическая функция этого обращения “затушевана” утраченным обрядом. Как к живому существу он обращается и к солнцу, радуге, весне и т. д. В этих обращениях доминирует другая функция – игровая» (С. 165). Книга содержит представительную подборку вариантов хорошо знакомых с детства закличек «Солнышко-колоколнышко» (№ 392–405), «Дождик, дождик, перестань» и «Дождик, лей, лей, лей» (№ 405–424). Здесь же не менее знакомые «Бабка-липка, сядь на травку» (№ 436–443), «Улитка, улитка, высунь-ко рожки» (№ 448–451) и др.

Представленный в книге материал красноречиво свидетельствует, что в детском фольклоре на протяжении всего XX века (и в начале XXI века) шли (и, будем надеяться, идут) активные творческие процессы. Разные жанры детской устной поэзии, столь ничтожные в глазах невнимательного наблюдателя культурной жизни нашего народа, отражают время. В 1929 году Е. В. Ржановская в д. Щоглово Медвежьегорско-

го района записала следующий вариант заклички «Божьей коровки»: *Божья коровка, / Надай молочка / Три подойничка* (№ 428). Здесь заклинательное начало (обращение к жуку Божьей коровке, в мифологическом сознании связанной с солнцем) прочитывается еще довольно четко, а вся образная система текста прочно укоренена в деревенский мир 1920-х годов (молочко, подойничек). Через пятьдесят лет в Петрозаводске был записан другой вариант: *Божья коровка, / Слети-ка на небушко, / Там твои братья, / Там твои сестры / Книжки читают, / Тебя дожидают* (№ 429). Этот вариант с другой доминантной ценностью (книжки) отражает те перемены, которые произошли на 1978 году в культурной парадигме нашего народа.

Отражение времени великолепно сказывается в жанре дразнилок, представленном в книге (№ 501–739) и прекрасно освещенном во вступительной заметке С. М. Лойтер: «Дразнилки… это и способ осмеяния отклонений от правил и норм поведения, и способ посрамления порицаемых общественным мнением поступков, и определенный способ утверждения неписаного морального кодекса детской жизни, и яркая форма словесной агрессии» (С. 167). Из коллекции Е. В. Ржановской взят текст № 638 (дразнилка, которой дразнят тех, кого не взяли в гости) – *Съездила Настенька в гости: / С печи на прилавок, / С прилавка на лавку, / Славки – под лавку / Да в пол головой*. Современному ребенку этот путь (печь, прилавок, лавка) уже непонятен и требует разъяснения, поэтому и дразнилка перестала быть актуальной в нынешнем детском репертуаре. В 1997 году в Заонежье записали дразнилку, свидетельствующую о техническом кругозоре современных детей: *Пончик-пончик, макарончик, / Состоит из трех частей: / Коммутатор, вентилятор / И коробка скоростей* (№ 709).

Детский фольклор вполне вписывается в проблему взаимоотношений письменной и устной культур, масштабно поставленную и во многом решенную на средневековом материале корифеем русской филологической науки А. Н. Веселовским. В условиях XX века понятие «письменная культура», безусловно, расширяется, включая в себя не только литературу, но и кинематографию. Докучная сказка *Жил-был царь Картоус*,

у него вырос ус, на усу арбуз, на арбузе дыня, на дыне – огурец, на огурце дворец, во дворце – двор, во дворе – кол, на колу – мочало, качало, качало… Рассказать вам сказку сначала? (№ 388), записанная в 1987 году, отсылает одновременно и к кругу чтения начала XX века – к лубочным сказкам с их героям Картаусом (из популярной сказки о Еруслане Лазаревиче), и к детскому фильму-сказке «Финист Ясный Сокол» (1975) режиссеров Александра Роу и Геннадия Васильева, где противником главного героя является Картаус. Круг чтения советских детей (К. И. Чуковский и его сказки) отражают и дразнилки, например, дразнилка, записанная в 1972 году, направленная против тех, кто любит командовать, отсылает к Бармалею из сказки о докторе Айболите: *Командир полка, / Нос до потолка, / Уши до дверей, / Сам, как бармалей* (№ 676).

Проблема взаимоотношений письменной и устной культур в сфере детской народной поэзии XX века оказывается прочно связанной с другой проблемой, перед которой неоднократно стояла фольклористика, – иноэтническое заимствование. Читательские приоритеты детей 1980-х годов, знакомство с героями английского писателя Алана Милна (по книге или посредством советских анимационных фильмов) сказываются в устно-поэтической дразнилке № 714, записанной в 1987 году: *У кого четыре глаза, / Тот похож на водолаза. / У кого четыре уха, / Тот похож на Винни-Пуха*. Обращает на себя внимание поэтическая докучная сказка «Десять поросят пошли купаться в море» (№ 386), явно восходящая к английской песенке «Десять негритят пошли купаться в море», хорошо известной российским детям по детективу Агаты Кристи и соответствующей советской экранизации С. Г. Говорухина.

Книга С. М. Лойтер «Детский поэтический фольклор Карелии» рождает у читателя ностальгию по детству. Рецензируемое издание представляет детскую народную поэзию как творческую, живую традицию. Оно фокусирует внимание специалистов на определенных проблемах фольклористики. Словом, новая книга С. М. Лойтер заставляет думать и искать новые решения в осмыслиении фольклорной культуры, за что ей благодарна вся российская фольклористика.

Поступила в редакцию 05.05.2014